

ТРУДЫ
ХОРЕЗМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФЕССОРА С.П.ТОЛСТОВА

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
и
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
РАБОТЫ
ХОРЕЗМСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ
1945~1948

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФЕССОРА С. П. ТОЛСТОВА
и Т. А. ЖДАНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА~1952

С. П. ТОЛСТОВ

**ХОРЕЗМСКАЯ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР (1945—1948 гг.)¹**

I

а Общем собрании Академии Наук СССР 4 июля 1946 г.² нами были подведены итоги работ Хорезмской экспедиции за первые пять полевых сезонов (1937—1940 и 1945 гг.). Основным достижением этого периода явился самый факт открытия памятников древнехорезмийской цивилизации, сыгравшей крупную роль в культурной истории нашей страны и до 1937 г. оставшейся практически не известной. При этом, отражая методологическую специфику советской археологической науки, наш коллектив не ограничился формальным описанием памятников, а попытался реконструировать на основании их исторического анализа основные этапы социально-экономической, политической и культурной истории древнехорезмийского государства³. Материалы Хорезмской экспедиции сыграли свою роль в разработке вопросов периодизации истории народов Средней Азии, в установлении того факта, что эти народы в период между VIII—VI вв. до н. э. и V—VI вв. н. э. прошли через этап антично-рабовладельческого общественного строя,

¹ Доклад на Общем собрании АН СССР 4 июня 1949 г.

² С. П. Толстов. Древнехорезмийская цивилизация в свете новейших археологических открытий (1937—1945 гг.). «Общее Собрание АН СССР 1—4 июля 1946 г.». М.,—Л., 1947, стр. 255 и сл.

³ С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-этнографической монографии. М., 1948; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. 1948 г.

сменившегося затем строем феодальным¹. Этим был нанесен решительный удар по господствующей и до сих пор в буржуазной историографии расистско-циклостской концепции истории народов Средней Азии (как и Востока в целом), по приобретающим сейчас в писаниях англо-американских авторов откровенно расистский и антисоветский характер тенденциям считать античный общественный строй и античную культуру чем-то специфически, расово присущим только «западной цивилизации» с ее восходящей будто бы к античным корням пресловутой «западной демократией».

Вместе с тем, результаты работ Хорезмской экспедиции, как и итоги исследований других советских археологических экспедиций в Среднюю Азию за последнее десятилетие с небольшим (экспедиции, руководимые А. Ю. Якубовским, Шишкиным, М. Е. Массоном, А. Н. Бернштамом и др.²), окончательно опровергли столь же характерное для современной буржуазной историографии антинаучное утверждение, будто история культуры Средней Азии представляет лишь провинциальный вариант «иранской», а впоследствии «ирано-арабской» культуры. Наши материалы помогли вскрыть на примере Хорезма древние, глубоко самобытные корни высокой и яркой культуры народов Средней Азии и показать, что эта культура не только не светится отраженным светом «солица Ирана», но сама оказала огромное влияние на развитие культуры окружающих народов, в том числе народов того же Ирана, а позднее — арабского халифата. Сейчас ясно, что блестящий расцвет точных и естественных наук в раннесредневековом Хорезме, аккумулированный в грандиозных фигурах основателя так называемой «арабской» математики Мухаммеда ибн Муса ал-Хорезми и величайшего энциклопедиста средневековья АбуРейхана ал-Бируни ал-Хорезми³, раньше рассматривавшийся лишь как случайный факт выдвижения варварским Хорезмом нескольких деятелей «арабской» науки, сейчас выступает как закономерный итог тысячелетнего развития самостоятельной и высокой цивилизации Хорезма, вне учета выдающейся роли которой сейчас уже невозможно разрабатывать вопросы истории и истории культуры античного и средневекового Востока, и не только Востока.

¹ С. П. Толстов. Периодизация древней истории Средней Азии. КСИИМК, XXVIII, 1949, стр. 18 и сл. См. также Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении, т. I, 1949, стр. 37; История народов Узбекистана, т. I, 1950, стр. 39 и сл.

² См. «Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции», т. I, 1946—1947. Под редакцией А. Ю. Якубовского. М.—Л., 1950 (МИА, № 15); «Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции», т. I. Под редакцией М. Е. Массона. Ашхабад, 1949; «Труды Семипереченской археологической экспедиции «Чуйская долина». Составлены под руководством А. Н. Бернштама. М.—Л., 1950 (МИА, № 14); В. А. Шишкин. Архитектурная декорация дворца в Варахше. «Труды Отдела Востока Эрмитажа», т. IX, Л., 1947, и др.

³ См. С. П. Толстов. Бируни и его время. «Вестн. АН СССР», 1949, № 4, стр. 42 и сл. См. также сборники: «Бируни», под ред. С. П. Толстова, М., 1950; «Бируни — великий ученый Средневековья». Ташкент, 1950; Бируни — ұрта асернинг буюк олим. Ташкент, 1950.

На том же Общем собрании Академии Наук 4 июля 1946 г. были следующим образом сформулированы задачи нашей экспедиции на предстоящие годы

«Перед нами сейчас стоят два цикла обширных задач:

1) Во-первых — организация капитальных раскопок гигантских памятников античного Хорезма, не уступающих лучшим памятникам классического Востока и сулящих богатые результаты. На очереди — организация раскопок упомянутого выше двухсоткомнатного дворца в Топрак-кала, храма и огромных жилых кварталов этого города.

2) Во-вторых — дальнейшее продолжение разведок на сотни километров в глубь пустыни, где особую роль должно сыграть широкое применение авиации. На очереди разведки по древним руслу Жаны-дарьи и Куван-дарьи в Кызылкуме, по Узбою в Кара-куме и на плоскогорье Устюрт — на важнейшем древнем пути из стран Востока через Хорезм в Восточную Европу»¹.

Разрешение обеих поставленных три года назад задач далеко продвинулось вперед².

Раскопки дворца Топрак-кала приобрели грандиозный размах. За три полевых сезона вскрыто уже до 130 помещений — залов, комнат, коридоров — в двух этажах дворца и в трех его монументальных башнях, всего до 7500 м², примерно из 11 тыс. м² площади громадного здания. Научные результаты превзошли наши самые смелые ожидания. Достаточно сказать, что помимо обильного и разнообразного хозяйственно-бытового материала, экспедицией открыты совершенно до того не известные великолепные памятники монументального изобразительного искусства древнего Хорезма III в. н. э.: многокрасочной стеной живописи и величественной скульптуры, и что, наконец, 1948 год ознаменовался долгожданным открытием древне-хорезмийских рукописей того же века, причем сразу в обильном количестве.

Не менее широко развернулись запланированные в 1946 г. разведочные работы. В работах экспедиции нашла широкое и разнообразное применение авиация. Успех этого предприятия определила самая методология марксизма-ленинизма, лежащая в основе советской археологической науки, ибо применение авиации³ нашей экспедицией было подчинено не кладоискательским целям и не погоне

¹ «Общее Собрание АН СССР 1—4 июля 1946 г.», стр. 255.

² Предварительные отчеты Хорезмской экспедиции за 1945—1948 гг. см.: С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии Наук СССР в 1945 г. «Изв. АН СССР, серия истор. и филос.», 1946, № 1; то же за 1946 г., там же, 1947, № 2; то же за 1947 г., там же, 1948, № 2; то же за 1948 г., там же, 1949, № 3. Общие итоги работ экспедиции за все годы по 1947 г. включительно подведены в нашей книге: «По следам древнехорезмийской цивилизации», изд. АН СССР, М.—Л., 1948. Работы 1949 г. см.: С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1949 года. «Изв. АН СССР, серия истор. и философ.», 1950, № 6.

³ Об авиаразведочных работах экспедиции см. С. П. Толстов и М. А. Орлов. Опыт применения авиации в археологических работах Хорезмской экспедиции. «Вестн. АН СССР», 1948, № 6, стр. 54 и сл.

за эффектными фотографиями, что свойственно буржуазной археологии, переживающей глубокий теоретический распад, а решению крупных исторических задач, вытекающих из всего хода многолетних наземных исследований.

Авиаразведки и автомобильные переходы экспедиции через пустыни Кызылкум, Кара-кум и Устюрт покрыли свыше 15 тыс. км маршрута, пересекли исследуемую территорию в различных направлениях и дали свыше 200 вновь открытых памятников, от раннеантичных развалин до остатков позднесредневековых каракалпакских укреплений Жаны-дары и Куван-дары¹.

Экспедиция внесла свой вклад в разрешение остававшейся дискуссионной проблемы Узбога², открыла два раннесредневековых торговых и стратегических

¹ См. в настоящем сборнике работу Т. А. Жданко «Каракалпаки Хорезмского оазиса», стр. 522—524.

² См. «По следам древнехорезмийской цивилизации», гл. XII, стр. 296—316, где описаны наши авиаразведки 1947 г. на верхнем и среднем Узбое.

Работы по Узбою были возобновлены в 1950 г. в связи с решением правительства СССР о строительстве Главного Туркменского канала. Были впервые обследованы памятники западной окраины древней дельты Аму-дары к югу от Куня-Ургенча — городища Мангыр, Акча-Гелин, Турпак-кала (относящиеся к античному времени и близкие по найденному материалу к крепостям правого берега — Кой-Крылган-кала и Джанбас-кала) и Ярбекир-кала, относящаяся к средним векам. Повторно были подвергнуты обследованию и рекогносцировочным раскопкам крепости, расположенные вдоль Чермен-яба, впервые исследованные еще в 1939 г. Заново было исследовано городище Кюзели-гыр (см. «Древний Хорезм», стр. 77 и сл.), Калалы-гыр № 1 и № 2 (там же, стр. 80 и 114—115). Два последних памятника дали богатый материал по погребальному обряду. В Калалы-гыр № 1 были обнаружены развалины двух дахм («башен молчания»), одна из которых оказалась заполненной костяками. Вдоль стен городища обнаружены многочисленные каменные оссуарии прямоугольной формы, различных типов. В Калалы-гыр № 2 было открыто круглое погребальное сооружение, где обнаружен оссуарий совершенно нового типа — бочкообразный, на трех ножках, сделанный из сырой глины, обмазанной алебастром. Если сюда добавить фрагмент оссуария, увенчанного челоуеческой фигурой, найденный на городище Мангыр и расшифровывающийся благодаря аналогичному целому оссуарию из правобережной крепости Кой-Крылган-кала, а также найденное (в том же Калалы-Гыр № 1) в 1939 г. погребение в хуме (пифосе), то мы видим сейчас не менее пяти типов античных оссуариев, датируемых IV—III вв. до н. э. Комплекс открытых, таким образом, в левобережном Хорезме античных погребальных сооружений представляет большой интерес, так как это, бесспорно, наиболее древнее из известных до сих пор погребений классического зороастрийского типа (оссуарии, дахмы). Как известно, оссуарии в других районах Средней Азии появляются не раньше V в. н. э., а для Ирана среднеазиатские оссуарии совсем не характерны. Что касается дахм, то для античности такие сооружения нигде не зарегистрированы. Все это служит серьезным аргументом в пользу гипотезы о хорезмийском происхождении зороастризма.

Шурфовка городища Куня-уаз (см. «Древний Хорезм», стр. 118) позволила внести ряд новых деталей в историю этого памятника. В нем резко различаются два слоя — античный и раннесредневековый, между которыми лежит хронологический разрыв в несколько столетий. Средневековый слой датируется временем с IX по начало XI в. К этому столетию относится разрушение города в результате военного нападения, следы которого были прослежены нами в ряде мест. По всей вероятности, этот разгром был сопряжен с сельджуцким нашествием.

От земель древнего орошения Чермен-яба наш отряд двинулся через Канга-гыр и Еды-хаус к верховьям Узбога, где он продолжил работу 1947 г. (см. «По следам древнехорезмийской цивили-

пути из Хорезма на Волгу, оборудованных в X— начале XI в. каменными укреплениями и караван-сараями, описала систему укрепленных рубежей Хорезма того же времени, выдвинутых против кочевников¹. Исследование памятников

заций», стр. 296 и сл.), в частности провел рекогносцировочные раскопки в урочище Ак-яйла (там же, стр. 305).

Работы были продолжены в 1951 г., когда наш отряд на пяти автомашинах 27 апреля вышел из Красноводска вверх по Узбою и 9 июня прибыл в Нукус, пройдя в общей сложности 2500 км без дорог. Этот маршрут дал возможность в общих чертах восстановить картину освоения человеком долины Узбая. Наиболее богатым оказался материал по неолиту и бронзовому веку Узбая. Степень концентрации стоянок этих эпох на Узбое такова, что почти не было случая, когда поиски на любом участке берега не давали результатов. Неолитический материал верхнего Узбая тесно связан с кельтеминарской культурой Хорезма и родственными ей культурами западного Казахстана, Приуралья и Прикамья. Неолит нижнего Узбая весьма своеобразен и, повидимому, связан с предавусской культурой Ю. Туркмении. Находки бронзового века, доходящие до самого впадения протока Узбая — Актам — в Каспий, близки к тазабагыбской культуре Хорезма, представляющей вариант андроновской культуры Казахстана и Сибири. Густая заселенность берегов Узбая в эту эпоху с полной убедительностью свидетельствует о том, что вплоть до начала I тысячелетия до н. э. по этому руслу текла вода.

В начале античного времени картина резко меняется. Собственно античных памятников оседлой земледельческой культуры на Узбое нет совсем. Находки античной эпохи сводятся к редким находкам грубой керамики кочевых племен и наконечников стрел скифского типа. Несомненно, прекращение течения воды по Узбою падает именно на начало античного времени. В античную эпоху по Узбою не было и торгового пути из Хорезма в Хорасан, существовавшего в средние века. Все современные караванные тропы, большие и малые, восходят к средневековой эпохе, к IX—X вв. Вдоль этих троп по верхнему и среднему Узбою были построены большие укрепленные караван-сарай из камня и жженого кирпича. Все они имели однотипную, круглую планировку, снабжались водой, собираемой на такырах и подводившейся при помощи кирпичных водопроводов в специальные волохранилища, расположенные в центре караван-сарая. Караванный путь в раннем средневековье поворачивал от урочища Игды, — а после монгольского нашествия еще выше по Узбою, от урочища Куртыш, — прямо на юг, в район теперешнего Кызыл-Эрвата. Однако по обоим берегам Узбая до самого устья находятся многочисленные следы кочевий, расположенных в «уях» — песчаных котлованах выдува. Никаких следов оседлых поселений и ирригационных сооружений здесь нет. По верхнему Узбою встречены лишь следы примитивных пашен — бахчей того же типа, что и ныне существующие бахчи на нижнем Узбое, использующие весенние дождевые потоки, стекающие в русло. Таким образом, Узбой был мертвым руслом на протяжении почти трех тысячелетий. Только различные кочевые племена, предки нынешних туркмен, а затем и сами туркмены, селившиеся вблизи многочисленных пресных озер и колодезей, да — в средние века — караваны купцов и военные отряды частично использовали это мертвое русло, возникшее в доирригационный период как сброс излишка амударьинских вод и переставшее функционировать с возникновением ирригации.

¹ См. там же, гл. X, стр. 248—265.

Разведки на Устье были продолжены экспедицией в 1950 г., когда отряд экспедиции под руководством М. А. Орлова вышел из Уральска к развалинам г. Сарайчика на Нижнем Урале и оттуда, по средневековой дороге, направился в Хорезм. Интересный материал дало обследование Сарайчика. До сих пор основание этого города относили к золотоордынскому времени. Однако работы 1950 г. показали, что нижний слой городища является домонгольским и по характеру материала (в частности — керамики) ничем существенным не отличается от хорезмских памят-

нижнего междуречья Аму-дарьи и Сыр-дарьи позволило, пока еще в основных чертах, восстановить картину истории культуры степных племен этой обширной страны — предков нынешних туркмен, каракалпаков и казахов, от середины I тысячелетия до н. э. до позднего средневековья. Невнятные и противоречивые перечни этнических имен у Полибия, Страбона, Плиния, Птолемея, Трога Помпея — все, что было до сих пор известно об античном периоде истории этой страны и что являлось объектом безудержных, беспочвенных, нередко носящих явно расистский характер спекуляций буржуазных историков, сейчас облеклось в плоть и кровь, предстало перед нами в виде комплексов интереснейших памятников¹.

Сейчас отчетливо определилась территория аугассиев Стефана Византийского, выступающих под именем аугалов у Птолемея и аттасиев у Страбона, — народа, заселявшего дельту Сыр-дарьи и оставившего своеобразные «болотные городища» этого района. В дальнейшем на базе этой древней культуры складывается культура тюркоязычных сырдарьинских огузов, и этнонимически являющихся тезками аугассиев².

Не менее отчетливо выявились территория и культура апасиаков — «речных скифов», заселявших нижнюю Жаны-дарью и дельту Аму-дарьи, включая Сарыкамыш, и оставивших нам своеобразные памятники, несущие отпечаток сильного влияния хорезмийской культуры при несомненном, вместе с тем, этническом своеобразии (Чирик-рабат, Ак-кыр, Бабиш-мулла, древний слой Шах-Сенема и Дэв-кескена). Как имя аугассиев переживает в средневековом имени огузов, так и имя апасиаков — пасианов или пасиков античных источников — сохраняется в раннесредневековом имени печенегов³.

Особенно важно определение территории и характера культуры сырдарьинских тохаров (тахоры Птолемея) — народа, сыгравшего во II—I столетиях до нашей эры исключительно крупную роль в истории Средней Азии и являющегося уже несколько десятилетий объектом ожесточенных дискуссий в специальной литературе. На этом вопросе мы ниже остановимся особо.

В результате работ экспедиции оказалось возможным решительно пересмотреть традиционные представления о хозяйственном быте средневековых тюркских племен Приаралья и по-новому поставить проблемы их происхождения, внося свой вклад в решение вопроса об этногенезе туркмен и каракалпаков⁴.

ников XI в. Название «Сарайчик», присвоенное этому памятнику монголами, не было первоначальным. Город был построен в XI, а может быть и в X в., хорезмийскими колонистами на пути в Нижнее Поволжье. Весьма вероятно, что он соответствует Саксину средневековых источников.

¹ По следам древнехорезмийской цивилизации», стр. 98 и сл., стр. 123 и сл.

² См. С. П. Толстов. Огузы, печенеги, море Даукара. (Заметки по исторической этнонимике восточного Приаралья). «Сов. этнография», 1950, № 4, стр. 49 и сл.

³ Там же, стр. 51. Полностью восстанавливается ряд (первые века до и после начала н. э.) ара-śaka (Αρασιάκαι) → pās'ānā (Πασιαι ~ Paesiae) → pās'ānā → (Πασιαναι) → (раннее средневековье) pās'ānā || pās'ānā → pās'ānā + k → печен. гъ».

⁴ См. С. П. Толстов. Города гузов. (Историко-этнографические этюды). «Сов. этно-

Важно отметить, что археологические работы развивались в неразрывной связи с работой этнографических отрядов экспедиции: работающего с 1945 г. Каракалпакского (начальник — канд. истор. наук Т. А. Жданко), начавших работу в 1946 г. Северно-узбекского (начальник — канд. истор. наук К. Л. Задыхина) и Южно-узбекского (начальник — канд. истор. наук М. В. Сазонова) и приступившего к работе в 1948 г. Туркменского (начальник — канд. истор. наук Г. П. Васильева)¹. Эта комплексность исследования дала нам возможность протянуть прочные нити исторической преемственности от культуры древних народов и племен Приаралья — через Средневековье — к современным народам Средней Азии, вскрыв самобытные истоки их богатой и яркой культуры.

Кропотливо прослеживая эту преемственность, — то в формах народных жилищ современных народов Хорезма, развивающих традиции раннесредневековой хорезмийской архитектуры (см. рис. 1)², то в народном орнаменте, перекликающемся с художественными образами Топрак-кала (см. рис. 2, а и б), то в женских украшениях современных узбеков, туркмен и каракалпаков, почти тождественных тем, которые мы видим на древнехорезмийских монетах и топрак-калинских женских портретах, то в покрое старинной каракалпакской народной одежды и в женских головных уборах, сохраняющих традиции, отраженные в таких памятниках древнехорезмийского искусства, как человеческие изображения на одной из хорезмийских серебряных чаш VI—VIII вв. и на древнейшей хорезмийской монете I в. до н. э.

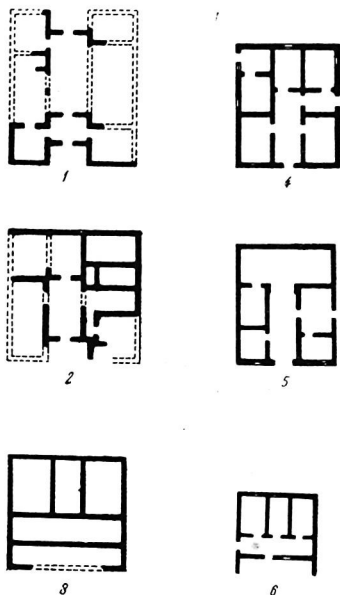

Рис. 1. Сравнительная таблица планировки жилых домов XII в. н. э.

1, 2 и 3 — Кават-калинский мертвый оазис, Хорезм (XII в. н. э.); 4 и 5 — современный каракалпакский дом; 6 — современный узбекский дом

графия», 1947, № 3, стр. 55 и сл., а также «По следам древнехорезмийской цивилизации», стр. 209 и сл., 244 и сл.; С. П. Толстов. К вопросу о происхождении каракалпакского народа. «Краткие сообщ. Ин-та этнографии АН СССР», 1947, II, стр. 69 и сл. См. также Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. М., 1950.

¹ Отчеты Т. А. Жданко, К. Л. Задыхиной, М. В. Сазоновой и Г. П. Васильевой о работах этнографических отрядов печатаются ниже в настоящем сборнике, стр. 247 и сл.

² См. также М. В. Сазонова. К этнографии узбеков южного Хорезма, стр. 247 и сл.

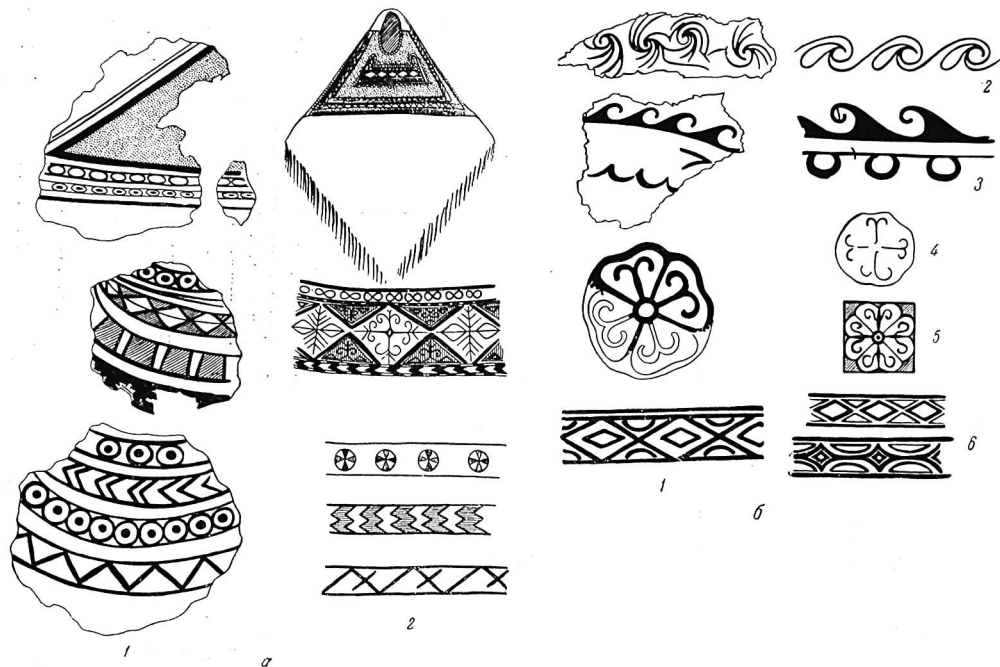

Рис. 2, а и б. Украшения и орнаменты (сравнительные таблицы)

а: 1 — орнаменты нагрудных украшений на женской одежде стенных росписей Топрак-кала; 2 — орнамент каракалпакской женской одежды «кимешен»

б: 1 — фрагменты панели и стенных росписей Топрак-кала; 2 — орнамент на войлоке (каракалпак); 3 — орнамент на туркменской кошке; 4 — резьба на двери юрты (каракалпак); 5 — роспись на сундуке (каракалпак); 6 — резьба на двери юрты

(см. рис. 3), то в традиционных формах современной узбекской керамики¹, — мы получим прочный документальный базис под обоснование законного права народов советской Средней Азии на их замечательное культурное наследство².

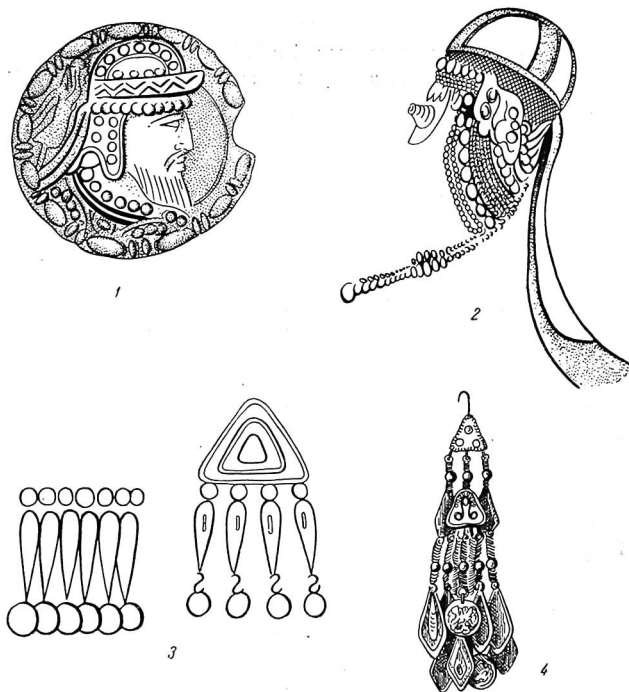

Рис. 3. Сравнительная таблица головных уборов

1 — хорезмийская монета безымянного паря; 2 — старинный каракалпакский женский головной убор; 3 — изображение серег на стеновых росписях Топрак-кала; — 4 каракалпакская серьга

¹ М. В. Сазонова. К этнографии узбеков южного Хорезма, стр. 267 и сл.

² См. сопоставление узбекских и каракалпакских орнаментов с древнехорезмийскими в книге «По следам древнехорезмийской цивилизации», стр. 181—182, а также в нашей статье в «Известиях АН СССР, серия истор. и философ., 1949, № 3, стр. 257. Сопоставление каракалпакских нарукавников («дженгес») с аналогичной деталью одежды четвероруккой богини, изображенной на хорезмийской серебряной чаше афригидского времени, изданной в атласе Смигунова под № 43, и старинного свадебного головного убора каракалпакских женщин «саукеле» с тиарой

Итоги работ 1945—1947 гг. уже получили некоторое освещение в литературе. Это облегчает нашу задачу, давая возможность сосредоточить внимание на итогах последнего, 1948 г.

II

Первым объектом наших исследований в 1948 г. был обследованный во время наших авиаразведок 1946 г. в Кармакчинском районе Каз. ССР¹ комплекс

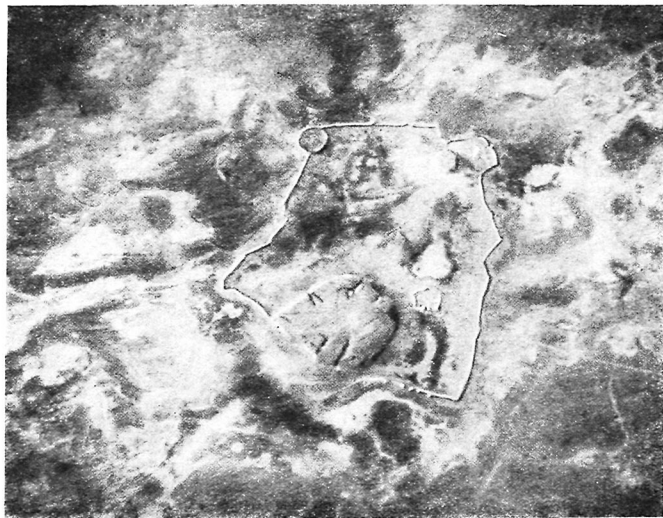

Рис. 4. Аэрофото городища Алтын-асар

памятников античного времени на среднем отрезке старого русла Сыр-дарьи — Куван-дарьи, принадлежащий, как мы пытаемся доказать в наших предшествующих работах, древней присырдарьинской народности тохаров и известный под названием Джеты-асар. По-казахски Джеты-асар значит «Семь городищ». Практически их гораздо больше: нами в 1946 г. было открыто 17 городищ, составляющих основное ядро группы.

хорезмийского царя I в. до н. э. на уникальной монете из Топрак-кала см. в нашей статье «К вопросу о происхождении каракалпакского народа» («Краткие сообщ. Ин-та этнографии», II, 1947, стр. 72). См. также ниже, статьи С. А. Трудновской, стр. 125, 126, 131, табл. III; Т. А. Жданко, стр. 553 и сл.

¹ «По следам древнехорезмийской цивилизации», стр. 123 и сл.

Основным объектом наших работ здесь явился крупнейший из памятников этого комплекса — Алтыр-асар — огромное городище, неправильно трапецевидных очертаний, площадью около 16 га (см. рис. 4). Внутренность городища несет, особенно с восточной части, следы застройки, почти совершенно размытой. Над

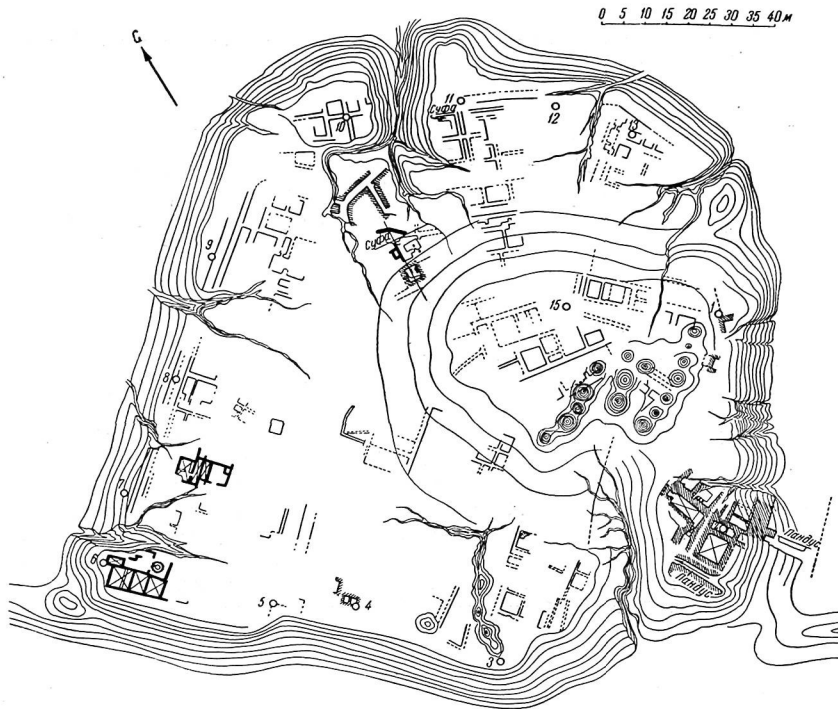

Рис. 5. План «большого дома» в Алтын-асаре

городищем возвышаются четыре главных сооружения, два из которых представляют собой какие-то общественные постройки (трапецевидная ограда в юго-восточной части городища и круглая — в северо-западном углу) и два — крупные, превратившиеся в бугры, здания: «большой дом» — на юге и «малый» — на северо-востоке. Первый из них и стал основным объектом наших раскопок (во втором был также заложен разведочный раскоп).

«Большой дом» Алтын-асара (см. рис. 5) — это сейчас огромный глиняный бугор, размером примерно 150×150 м при высоте 12—15 м, на поверхности которого видны следы планировки жилых помещений и многочисленные выходы россыпей древней керамики. Здесь были заложены два раскопа и несколько разведочных шурфов, общей площадью около 300 м² и глубиной от 1 до 4 м. Всего было вскрыто девять помещений разных размеров, относящихся к разным периодам исторической жизни городища.

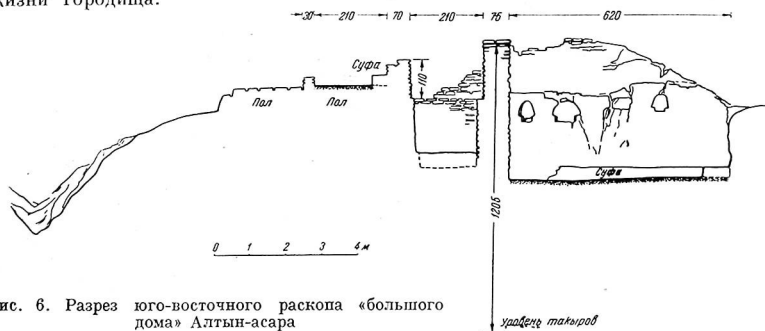

Рис. 6. Разрез юго-восточного раскопа «большого дома» Алтын-асара

В результате раскопок установлено два четко выраженных культурных горизонта памятника. Первый, более древний, датируемый первыми веками до и после начала н. э., залегает на глубине от 1 до 4 м под поверхностью городища и назван нами «горизонтом зернотерок». Второй — «горизонт ручных жерновов», датируемый III—VI вв. н. э., залегает непосредственно под поверхностью бугра на глубине 1 м¹. Название горизонтов обусловлено резким различием в типе мукомольных орудий, являющихся, пожалуй, наиболее характерным показателем крупных перемен, происшедших в хозяйственном быту обитателей городища. В других отношениях «культура зернотерок» и «культура ручных жерновов» сравнительно мало отличаются друг от друга — несомненное свидетельство непрерывности жизни населения городища.

Несомненно, наш «горизонт зернотерок» — не древнейший культурный слой «большого дома» Джеты-асара. В нем не представлены уже некоторые, наиболее архаические типы «тохарской керамики», обильно выходящие в россыпях размытых помещений у основания сооружения и уводящих нас в середину I тысячелетия до н. э. В оставшемся пока не вскрытым восьмиметровом массиве, подстилающем полы нашего «горизонта зернотерок», бесспорно надо ожидать еще наличия нескольких культурных горизонтов².

¹ Датировка уточнена в результате раскопок 1949 и 1951 г., см. стр. 29, прим. 3.

² Вопрос о нижнем слое городища на основании данных раскопок 1949—1951 гг. см. там же.

Исключительно обильны находки костей домашних животных. По сравнению с синхронными хорезмийскими памятниками этот материал настолько преобладает, что позволяет говорить о скотоводстве — прежде всего о разведении крупного рогатого скота, как о господствующей отрасли хозяйства джетыасарцев¹.

Господствующая роль скотоводства выступает в такой своеобразной особенности джетыасарской строительной техники, как использование костей крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов в качестве строительного материала. Слой перерубленных пополам костей клали в основание кирпичных перегородок между комнатами, энифизами наружу, придавая стенам большую устойчивость (см. рис. 9). Полы комнат обмазывались коровьим навозом, смешанным с глиной.

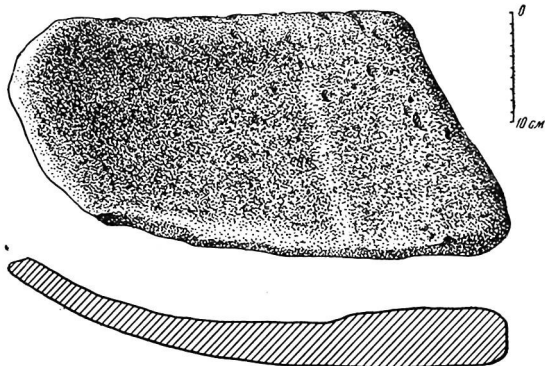

Рис. 7. Зернотерка из «большого дома» Алтын-асара

¹ Достаточно сказать, что на площади около 300 м² в Алтын-асаре было найдено 2044 экз. костей животных, в то время как на площади около 1500 м², вскрытой в том же 1948 г. в Топрак-кала, было найдено всего около 1260 костей, что позволяет установить относительную насыщенность обоих памятников как 7,7 : 1 в пользу Алтын-асара; другими словами, по относительному содержанию костей Алтын-асар превосходит Топрак-кала почти в восемь раз.

Интересно также соотношение (в %) основных видов скота Алтын-асара и Топрак-кала (мы берем здесь также только данные 1948 г.), по определению В. И. Цалкина.

	Алтын-асар	Топрак-кала
Мелкий рогатый скот	65,8	78,3
Крупный » » »	21,2	11,6
Лошади	8,2	3,2
Верблюды	1,3	0,1
Ослы	0,7	2,3
Свиньи	—	1,1

С учетом того, что эти цифры, конечно, не вполне адекватно отражают состав стада и что памятники далеко не однотипны по своему характеру, мы все же должны отметить, что процент крупного рогатого скота и лошадей в Алтын-асаре примерно вдвое, а верблюдов и вдесятеро выше, чем в Топрак-кала, а это достаточно характеризует общее направление хозяйства. Крупный рогатый скот, лошади и верблюды составляли вместе свыше 30% скота джетыасарцев, занимали в их скотоводстве бесспорно ведущую роль. (См. также работу В. И. Цалкина «Фауна античного и раннесредневекового Хорезма» в настоящем сборнике, стр. 237).

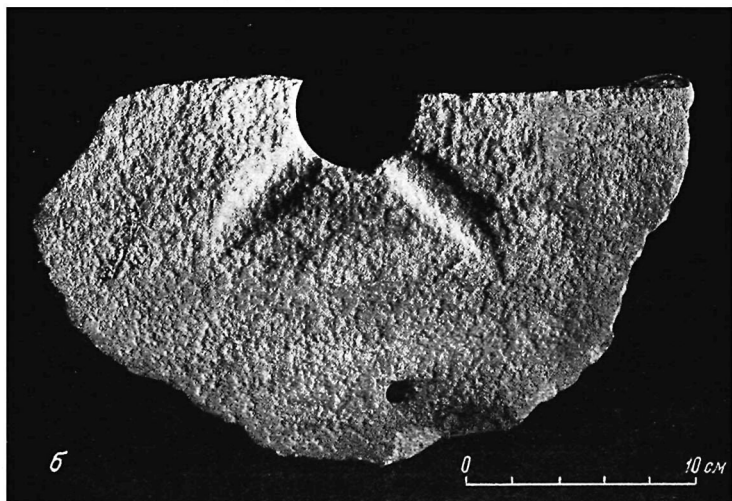
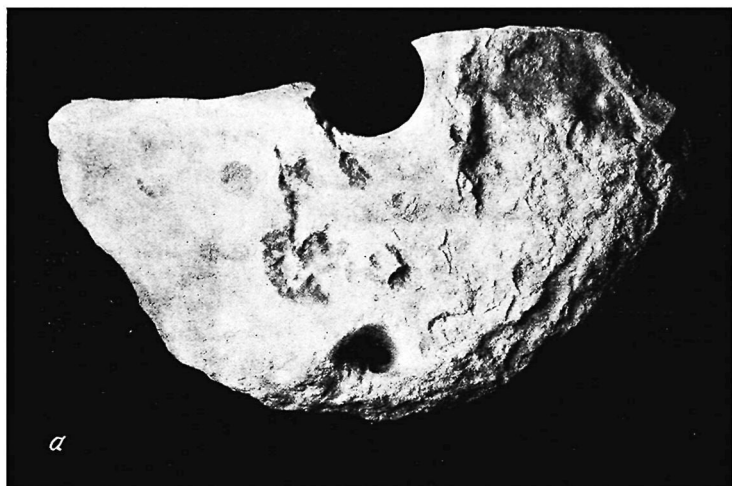

Рис. 8, а и б. Ручной жернов из «большого дома» Алтын-асара

О развитии земледелия говорят зернотерки и жернова¹. Совсем нет обильных в хорезмийских памятниках косточек плодовых деревьев. Обследование окрестностей городищ показало, что оросительная система имела крайне примитивный характер: окрестности эти орошали обильные естественные протоки древней дельтовой области, и посевы в основном были, видимо, «каирного» типа, т. е. базировались на использовании высокостоящих грунтовых вод этой влажной, болотистой области. Все это свидетельствует о примитивном, подсобном характере земледелия по сравнению со скотоводством. О третьей отрасли хозяйства — рыболовстве — говорит находка (помимо рыбьих костей, впрочем немногочисленных) огромного железного рыболовного крючка (см. рис. 10).

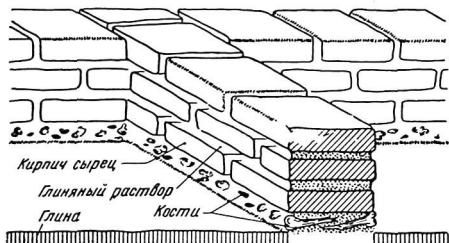

Рис. 9. Конструкция стены северо-западного раскопа из «большого дома» Алтын-асара («горизонт жерновов»)

с огромного железного рыболовного крючка (см. рис. 10).

Рис. 10. Рыболовный крючок из «большого дома» Алтын-асара

Исключительно обильны, богаты и разнообразны керамические изделия, образующие в своей массе крайне своеобразный комплекс, резко отличающий (если не считать немногих параллельных форм) джетыасарцев от окружающих племен: усуней — к востоку от Сыр-дарьи, хорезмийцев и близких к ним ниже-жаны-дарьинских племен (апаснаки) — на юго-запад от Джеты-асара, и свидетельствующий об этническом своеобразии сырдарьинских тохаров.

Найдено много целых сосудов — от больших хумов (пифосов) до крошечных изящных сосудиков. Почти все сосуды сделаны без круга, но поражают тонкостью выделки, разнообразием и изяществом форм. Преобладает черная, реже красновато-бурая лощеная керамика, нередко с прорезным угловато-ленточным орнаментом: грубые кухонные котелки с пальцевыми вдавлениями по краям, широкие миски. В верхнем слое найдена интереснейшая глиняная имитация поздней формы скифского бронзового котла на коническом поддоне, с вертикальными ручками. В глине имитированы вертикальные швы и заклепки бронзового прототипа (см. рис. 11, б). По своей форме джетыасарский котел тесно примыкает к так называемым «гуннским котлам» первых веков н. э., широко распространенным в наших степях.

¹ Во время раскопок 1949 г. в культурном слое и в обмозке полов Алтын-асара были найдены многочисленные семена проса и ячменя.

Интересны глиняные, покрытые алебастром и раскрашенные красно-бурыми полосками светильники в виде небольших полусферических бокалов на высокой цилиндрической ножке (рис. 11, в). Наряду с местными формами зарегистрирован ряд имитаций античных сосудов эллинистической эпохи, с рифленой поверхностью, типов не характерных для античной Средней Азии и, видимо, свидетельствующих о непосредственных связях с античным Причерноморьем через северокаспийские степи.

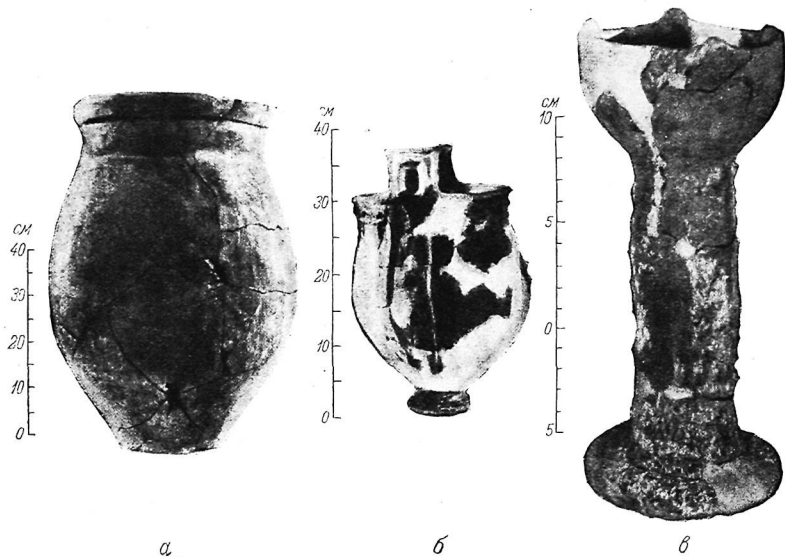

Рис. 11. Керамика Алтын-асара («горизонт жерновов»)
 а — хум (сосуд), б — имитация бронзового котла; в — светильник

Многие сосуды украшены рельефными изображениями в виде «бараньих рогов», групп конических выступов, обычно (по три вместе) расположенных треугольником, замкнутым снаружи рельефным валиком в виде заостренного с одной стороны овала. Любопытны рельефные изображения змей с разинутой пастью (рис. 12).

Керамика, обнаруживая тесные связи с керамикой сарматских племен Поволжья, вместе с тем, несомненно, на протяжении всей истории Джеты-асара сохраняет древние традиции, связывающие ее с киммерийской керамикой Северного Причерноморья. Нами уже отмечались связи джетыасарской керамики с керамикой киммерийских памятников Поднепровья (ср., например, керамику Бельского городища), которая в свою очередь тесно связана с керамикой классического галль-

штата в бассейне Среднего Дуная¹. Открытая недавно П. Н. Шульцем керамика таврокиммерийской культуры Горного Крыма обнаруживает также несомненные точки соприкосновения с архаическими формами джетысарской керамики² (см.

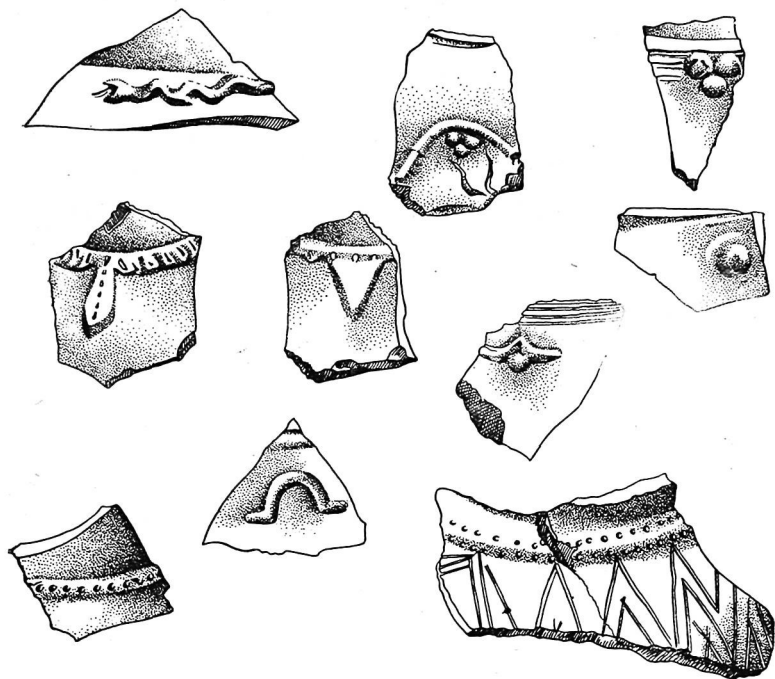

Рис. 12. Таблица рельефных изображений на фрагментах керамики Алтын-асара («горизонт зернотерок»)

рис. 13). Надо, вместе с тем, отметить наличие близких параллелей в памятниках Северного Кавказа, относимых к предскифскому времени, например Алхастинское поселение близ Дзауджикау³.

¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 132—135. См. также работу А. А. Потапова. *Inkrustierte Keramik von Belsk. Eurasia Septentrionalis Antiqua IV*, 1929, стр. 162—168 и В. А. Городцов, Труды XIV Арх. Съезда, 1911, т. III, стр. 154.

² П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 66.

³ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи. Труды Гос. историч. музея, вып. XVII, М., 1948, стр. 17 сл.

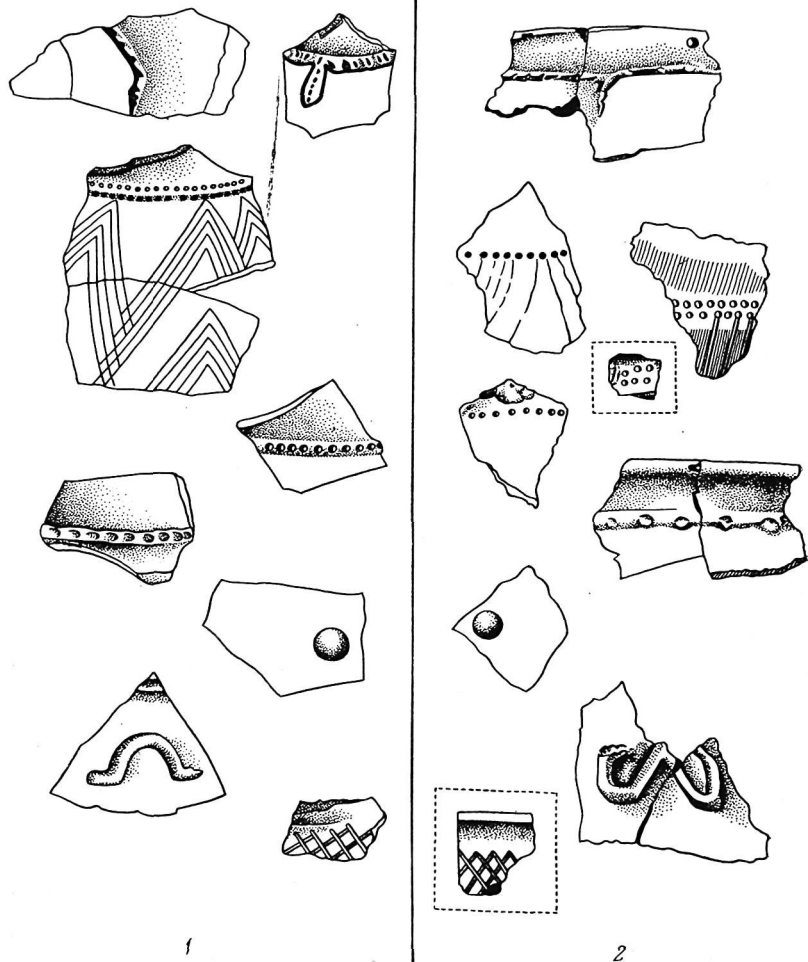

Рис. 13. Сравнительная таблица керамики
 1 — дзетыясарской архаической и 2 — таврокиммерийской (поселение на Кара су).

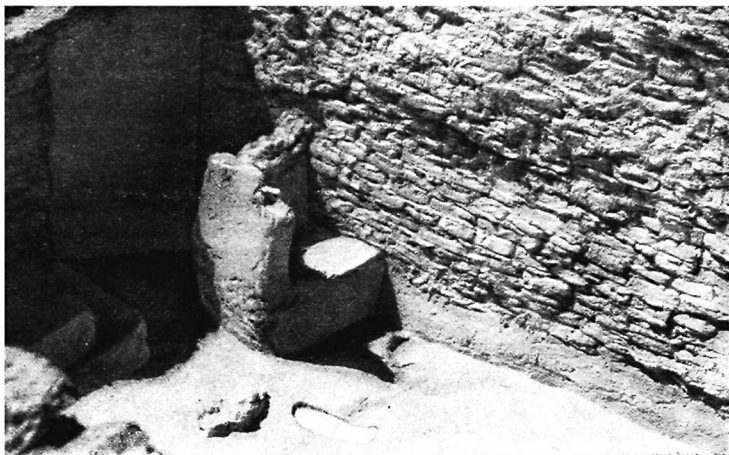

Рис. 14. «Зал с креслом». Алтын-асар, «большой дом», «горизонт зернотерок»

Рис. 15. Арки с орнаментом в «зале с креслом». «Большой дом» Алтын-асара

Большой интерес представляют результаты изучения архитектуры здания. В нижнем горизонте, у юго-восточного края здания, был вскрыт большой, около 30 м² площадью, зал явно общественного или культового назначения. Поражает огромное сооружение в форме кресла, сложенное из сырцовых кирпичей и тщательно обмазанное глиной, у одной стены и нечто вроде ступенчатого алтаря — у другой, а также ряд арочных ниш своеобразных очертаний, с характерными заплечиками, в третьей стене. Последняя была покрыта грубой росписью красной краской по побелке, в виде окаймляющих ниши полос орнамента из небрежно набросанных кружков и гирлянд. Эта роспись, восходящая к первым векам до н. э., — самая древняя из доныне известных стенных росписей в Средней Азии¹.

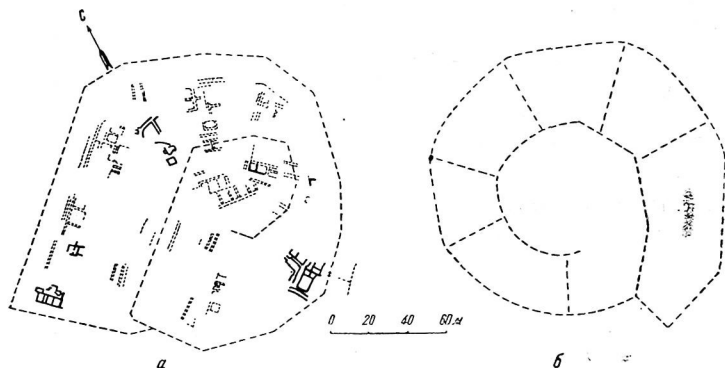

Рис. 16. Сравнительная таблица. Схемы планировки:

а — Алтын-асара, б — Мейшекты-асара

Зал имел плоское перекрытие, опиравшееся на четыре деревянных столба, внизу обложенных камнями и сырцовыми кирпичами.

Но еще более интересны результаты выяснения планировки здания в целом. Нанесенные на план выходы стен помещений верхнего яруса, вместе с данными раскопок и шурфовки, дали характерную картину: большая, восточная половина здания обнаруживает явно радиальную планировку с центром в юго-восточной трети верхней площадки — на самой высокой ее части, где было расположено позднее каракалпакское кладбище. Напротив, западный край здания выпадает из этого плана — на всем его протяжении комнаты тянутся параллельно западному склону. Эту особенность мы не могли бы разгадать, если бы нам не помогли авиа-

¹ В 1949 г. при раскопках одного из курганов, расположенных к северу от Алтын-асара, обнаружена роспись на стенах круглой погребальной камеры. Роспись нанесена по красноватому фону белой, синей и черной краской и, поскольку можно судить (рисунок сохранился плохо), представляет собой плетенку из цветных перекрещивающихся лент.

Рис. 17. Сравнительная таблица типов спиральных городищ:

1 — Алтын-асар; 2 — Мейшекты-асар; 3 и 4 — Хетты-Алиш р-Гююк; 5 — Хетты-Зенджирли; 6 — трипольская культура, поселение «Коломийщина»; 7 — Сев. Кавказ, изображение лабиринта на камне; 8 — изображение Трои на этрусской вазе; 9 — изображение лабиринта на монетах с Крита; 10 — Троя II

разведки второй группы памятников джетыасарского типа, расположенной к западу от станции Джалагач, — планировка «большого дома» одного из городищ этой группы, Мейшекты-асар. Этот последний, не уступая по размерам «большому дому» Алтын-асара, имеет четко выраженную спиральную планировку, образуя нечто подобное гигантской раковине улитки, с наиболее высокой точкой в центре завитка. Эта планировка, не имеющая пока параллелей среди известных нам памятников Средней Азии, полностью раскрывает нам загадку планировки «большого дома» Алтын-асара: здесь мы, несомненно, видим такую же спираль, с той лишь разницей, что если в Мейшекты-асаре она закручена справа налево, то в Алтын-асаре — слева направо (см. рис. 16)¹.

¹ В 1949 г. аэро съемки дали возможность уточнить планировку еще одного городища — Джеты-асара № 9, оказавшуюся также спиральной. Раскопки Джеты-асара № 9 были начаты в 1951 г. Фотоснимок Мейшекты-асара см. в нашей статье в «Изв. АН СССР», серия истор. и филос., 1949, № 3, рис. 4; фотоснимок Джеты-асара № 9 — там же, 1950, № 6, рис. 19.

Повторяю, нам не известны подобные планировки в Средней Азии и в окружающих странах. Ближайшие параллели нам удалось пока обнаружить очень далеко от исследуемой нами территории в памятниках хеттской культуры и в частности — в хеттском городище Алишар-Гююк¹.

Этот памятник образует также холм, по линейным размерам примерно вдвое превосходящий Алтын-асар, с вершиной, расположенной эксцентрически, вблизи северо-западного края, и с характерным спиральным рисунком горизонтальной поверхности². Особенно резко спиральный план выступает в очертаниях залегающих вскрытых горизонтов I (снизу)³, II⁴ и IV⁵. Несомненные традиции спиральной планировки выступают также в большом хеттском городище Зенджирли и в некоторых слоях Трои.

Эта весьма далекая от наших памятников и хронологически и территориально параллель, конечно, могла бы быть упомянута лишь в качестве странного типологического совпадения, если бы не три обстоятельства.

Во-первых, хеттский язык обнаруживает давно уже отмеченные специфические связи с тохарским⁶.

Во-вторых, между хеттами Малой Азии и тохарами Средней Азии лежит обширная область распространения древних народов, повидимому, близкородственных между собою иллирийцев, фрако-фригийцев и обычно относимых к фрако-фригийской группе киммерийцев. Крайним восточным осколком языка фракийских киммерийцев многие исследователи с полным основанием считают тохарский язык, обнаруживающий, по мнению наиболее видных языковедов, тесные связи, с одной стороны, со славянскими и балтийскими языками, а с другой — с греческим и армянским⁷. В культурном отношении фракийские связи некоторых приаральских народов, объединяемых в массагетский комплекс, куда входили и тохары, обнаруживаются достаточно ясно, о чем нам не раз приходилось говорить⁸. Выше нами уже была отмечена связь иллирийской, киммерийской и тохарской керамики.

В-третьих, некоторые следы распространения спиральной планировки поселений хетто-тохарского типа мы встречаем на территории Восточной Европы. Я имею

¹ E. Schmidt. The Alisbar Hüyük, seasons of 1928 and 1929. Part I. Chicago, 1932. Надо отметить, что Шмидт ничего не понял в планировке исследуемого им памятника.

² Цит. соч., стр. 19, рис. 21.

³ Цит. соч., стр. 31, рис. 27.

⁴ Цит. соч., стр. 81, рис. 93.

⁵ Цит. соч., стр. 215, рис. 276. Ср. также планировку сооружений центрального бугра снята в этом слое на рис. 277.

⁶ В. В. Бартольд. Восточно-иранский вопрос. «Изв. ГАИМК», II, 1922, стр. 364.

⁷ Roscigny. Die Stellung des Tocharischen im Kreise der indogerm. Sprachen. «Berichte des Forschungs-Institutes für Osten und Orient in Wien», III, 1923, стр. 50 сл.; Benveniste. Tokharien et Indo-Européen. Festschr. f. H. Hirt, 1938, II, стр. 327.

⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 197 сл.; По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 81—82.

в виду, во-первых, распространенные на Северном Кавказе изображения спиральных лабиринтов, именуемые осетинами «домами нартов»¹; во-вторых — спиральный характер некоторых трипольских поселений, в частности исследованного Т. С. Пассек поселения «Коломыйщина»². Может быть, именно в скотоводческих поселениях трипольской культуры надо искать древнейший прототип и хеттских и тохарских спиральных планировок (см. рис. 17).

Проблема требует еще своего исследования. Но в свете изложенного закономерно поставить вопрос о необходимости поисков в области расселения фрако-фригийских племен тех недостающих звеньев, которые помогут связать истоки архитектуры Джеты-асара с припонтийским миром.

Исследование тохарских памятников Сыр-дарьи, обнаруживающих древние местные корни и тесные исторические связи с памятниками древних племен Причерноморья, позволяет раз и навсегда покончить с антинаучными, расистскими попытками искать в загадочных тохарах нордических культуртрегеров, кельтских или даже германских выходцев из Западной или Северной Европы³.

¹ А. М и л л е р. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана. «Матер. по этногр.», IV, I, (Л. 1927), стр. 46. Ср. также «Памятники народного творчества Осетии», вып. 1, Владикавказ, 1925, стр. 92.

² Т. С. П а с с е к. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, М.—Л., 1949, стр. 132—133, рис. 70—71. Планировка трактуется Т. С. Пассек как неправильный к р у г. На деле это — п р а в и л ь н ы й.

³ В 1949 г. раскопки в Джеты-асаре были значительно расширены. Кроме уже упомянутого выше (стр. 26, примеч. 1) кургана с расписной погребальной камерой, наиболее интересные результаты дали раскопки юго-восточной, северной и западной частей Алтын-асара, где удалось выявить в высшей степени интересную и разнообразную систему отопления времен «горизонта жерновов». Наряду с открытыми пристенными «каминами», характерными и для «горизонта зернотерок», здесь появляются небольшие прямоугольные, также пристенные печи с поддувалами и отопительными ходами и дымоходами, а также так называемые «длинные очаги» (см. ниже).

Чрезвычайно интересен раскоп в юго-западной части городища, где были вскрыты помещения «горизонта зернотерок». Как показали раскопки, эти помещения при перепланировке были просто засыпаны рыхлой лесовой глиной, а сверху перекрыты плотным слоем обмазки, прекратившим доступ влаги в древние помещения, сохранившиеся благодаря этому совершенно нетронутыми в течение веков. Было вскрыто длинное коридорообразное помещение, разделенное поперечными стенками из сырцового кирпича без обмазки.

Как показало наблюдение над другими частями западной половины городища (прямой отрезок планировки, начало спирали), здание состояло из ряда перпендикулярных к направлению спирали таких длинных помещений, напоминающих «длинные дома» амрабадской культуры.

В помещениях найдена обильная керамика различных форм (любобытен черный сосуд с двумя высокими горлами) и костяные поделки, в том числе конец костяной обкладки лука и орнаментированная костяная же псалля.

В помещениях верхнего горизонта найдены железные наконечники стрел и дротиков, фрагменты стеклянных сосудов, многочисленная и разнообразная керамика и упомянутые выше семена проса и ячменя.

Раскопки Джеты-асара были возобновлены в 1951 г., когда два отряда экспедиции работали

III

Заключив работы в Джеты-асаре, наша экспедиция совершила тяжелый переход на автомашинах через грядовые пески северного Кызыл-кума (см. рис. 18) и вышла на Жаны-дарью, вдоль которой подвергла дополнительному обследованию ряд от-

Рис. 18. Машины экспедиции в маршруте через Кызыл-кумы

крытых еще во время авиаразведок 1946 г. памятников античного периода. в первую очередь комплекс Бабиш-мулла и Чирик-рабат — памятники сильно подвергшегося хорезмийскому влиянию скифо-массагетского племени, входившего, как показывают наши археологические наблюдения, в более широкое объединение а п а с и а к о в

над исследованием Алтын-асара (под руководством М. А. Орлова и Ю. А. Рапопорта) и Джеты-асара № 9 (под руководством Т. А. Жданко и Н. П. Вактурской). Работы 1951 г. в Алтын-асаре были в основном сосредоточены в юго-западной части «большого дома», где было вскрыто в общей сложности 1400 м². Раскопками было вскрыто 19 помещений на различную глубину, причем было установлено наличие, примерно, 16 слоев, общей мощностью свыше 10 м.

Десять слоев, общей мощностью около 7 м, относятся к «горизонту зернотерок». Нижние три слоя, пока мало исследованные, так как они открыты только в одном помещении, характеризуются наличием росписной керамики; слои, расположенные выше, датируются вре-

(«речных саков»), основной центр расселения которых лежал у юго-восточного угла Устюрта и близ Сары-камыша. К началу августа экспедиция прибыла на центральный объект наших работ с 1946 года — городище Топрак-кала.

* * *

Раскопки Топрак-кала продолжались около двух месяцев. За это время было вскрыто до 30 помещений, общей площадью около 1500 м² в восточной и южной части центрального массива дворца. Одновременно заканчивались раскопки

менем около начала нашей эры, охватывая также первые века до н. э. Верхние шесть слоев, относясь к «горизонту жерновов», характеризуются появлением нового типа планировки: место пристенных каминов занимает центральный открытый очаг, со всех сторон окруженный каррэ суфы, лишь в одном месте прорезанной входом в комнату. В верхних слоях этого горизонта, при сохранении того же типа планировки, появляются своеобразные «длинные очаги». Особенно интересный материал дали раскопки в Джеты-асаре № 9, где ярко выступает спиральная планировка. При раскопках был вскрыт ряд комнат, соответствующих «горизонту жерновов» Алтын-асара, с суфой в виде каррэ и центральным очагом, в которых были найдены остатки плоских перекрытий из глины и жердей. Кроме этих комнат, по боковым сторонам спирали были обнаружены сводчатые комнаты, перекрытые узкими коробовыми сводами. Находки были исключительно обильны. Как наиболее интересные должны быть отмечены: прекрасный черный орнаментированный сосуд с плоским боком, напоминающий сосуды из гуннского могильника начала н. э. в Кенколе («вьюнные сосуды»), а также в кушанских слоях Каунчи-тепе в Аяз-кала (дом № 1) и в Бергаме в Афганистане; (см. R. Ghirshman. *Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans*. Caire. 1946, pl. XXXVIII, B. G. 358, pl. XL, B. G. 365); медная монета хорошей сохранности, типа, известного среди случайных находок в Средней Азии, но неопределенного происхождения (Друзн и Аллот де ля Фюи ошибочно считают эти монеты хорезмийскими, М. М. Явич — древне-бухарскими), датируемая, вероятнее всего, III—IV вв. (к этим же векам относятся находки бус в Джеты-асаре № 3); плоская бронзовая подвеска с изображением слона; железный кинжал и т. д.

Продолженные Ю. А. Рапопортом раскопки курганов позволяют сейчас расклассифицировать эти сооружения на четыре типа: 1) курган с прямоугольной камерой из сырцового кирпича; 2) курган с круглой камерой из сырцового кирпича; 3) ямное погребение с пахсовой пробкой; 4) ямное погребение с покрытием из камыша. В кургане последнего типа, раскопанном в 1951 г., были найдены фрагменты лука с костяной обкладкой в кожаном налучье и железный нож. В другом погребении был обнаружен обоюдоострый клинок меча, длиной в 40 см, и сосуд с плоским боком отмеченного выше типа, сделанный на гончарном круге.

Итоги работ 1949—1951 гг. позволяют уточнить позднюю хронологическую грань наших памятников. Судя по находкам отдельных фрагментов равнеафригидской керамики в слое с «длинными очагами» Алтын-асара, этот слой может быть датирован V—VI вв. н. э. Самые нижние открытые до сих пор прослойки «горизонта зернотерок» уходят в первые века до н. э. Исследованный материал Джеты-асара № 9 позволяет датировать этот памятник III—IV вв. н. э.

Культура, на протяжении всей тысячелетней ее истории, отличается большой устойчивостью. Видимо, тохарские племена, заложившие основу джетыасарской культуры, как и племена аугасиев нижней Сыр-дарьи, подверглись в IV—V вв. влиянию гуннской культуры и языка) и явились одним из составных элементов белых гуннов (эфталитов).

открытого в 1947 г. «зала царей» и большого, но, к сожалению, почти разрушенного квадратного зала в середине северной стены дворца, названного нами «алебастровым залом» (здесь были найдены алебастровые украшения, некогда декорировавшие стены).

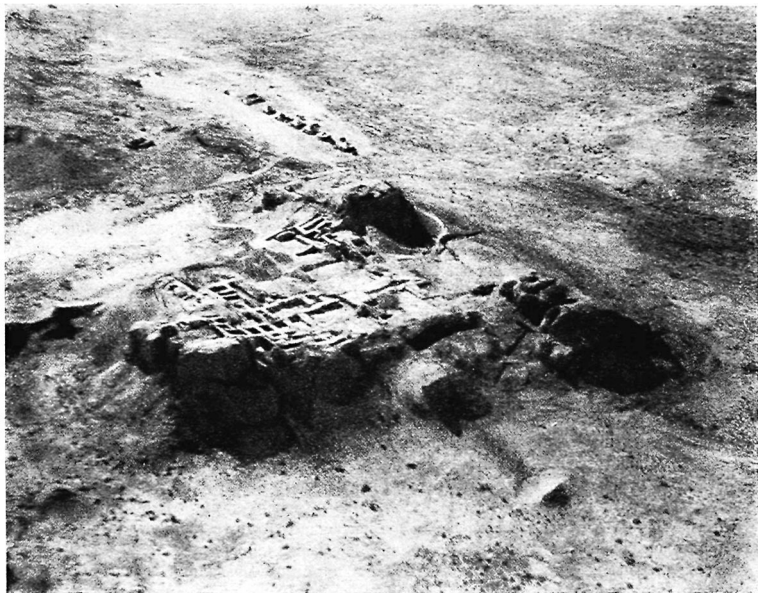

Рис. 19. Аэрофото дворца Топрак-кала

Раскопанная часть сохранила только первый этаж. Мощной сырцовою стеной, идущей с севера на юг, она резко разделяется на две неравные части. Ближе к центру здания лежат парадные помещения, сменяющиеся в южной части роскошно украшенными жилыми комнатами. К востоку от капитальной стены, вдоль восточного края здания, тянется узкая полоса хозяйственных и производственных помещений. Судя по завалу в южных комнатах этого ряда, в верхнем этаже помещались комнаты с росписью, т. е. более парадные. О них речь пойдет ниже.

Помещения этой восточной, производственной части дворца дали богатый и интересный материал. К середине восточной стены примыкали два помещения, представляющие какую-то мастерскую: узкая коридорообразная комната, в пол

которой были вмазаны три широких глиняных таза с отверстиями в днищах для стока жидкости, над которыми были расположены деревянные (ныне сгоревшие)

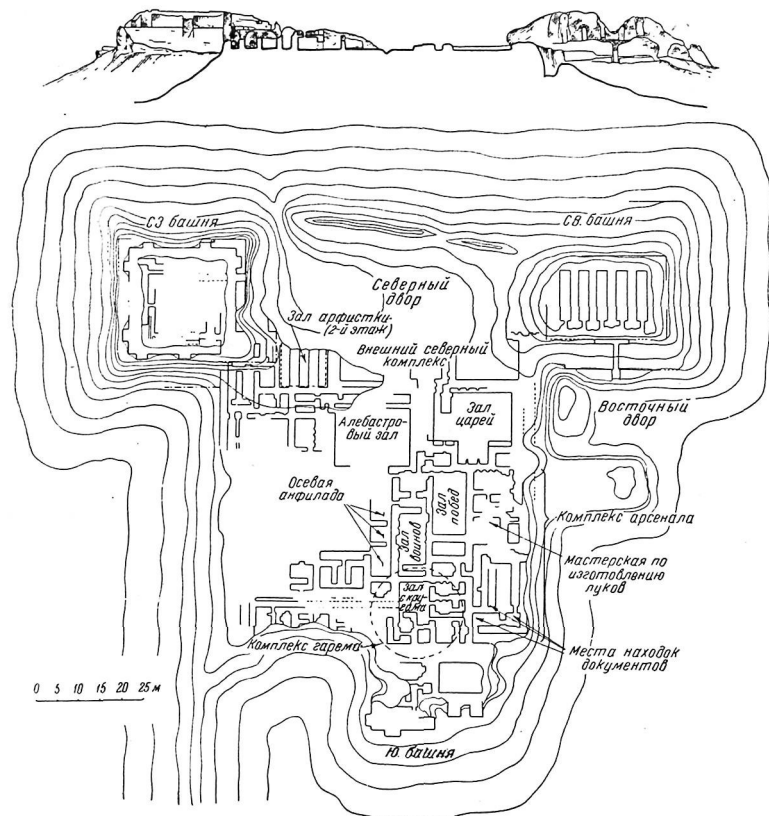

Рис. 20. План дворца Топрак-кала

колонники (см. рис. 21). Пол в соседней квадратной комнате был выстлан плоскими керамическими плитами и в него был вмазан ряд огромных пифосов—хумов. На полу лежали кости, среди которых резко выделялась гряда рогов дикого барана

очень крупной формы. Среди костей был найден фрагмент костяной обкладки лука с прорезом для тетивы.

Эта находка, вместе с тем, что было найдено в комнатах, расположенных далее к югу, позволила выяснить назначение загадочных помещений с хумами и тазами. Это, несомненно, была часть дворцового арсенала: мастерские по производству оружия, конкретно — луков (см. рис. 22). В упомянутых выше юго-восточных комната

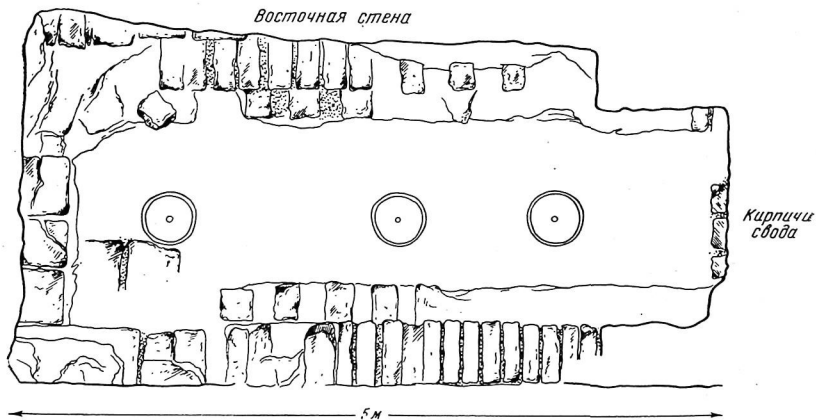

Рис. 21. Одно из помещений (№ 150) «арсенала» дворца Топрак-кала с керамическими тазами в полу

были сделаны обильные находки явно провалившихся из верхних помещений луков, стрел, отдельных древков (составных из дерева и камыша) и железных трехперых черешковых наконечников стрел. Вместе с ними были найдены многочисленные вызолоченные бронзовые пластины от панцирей и поясов и прекрасно отшлифованные стеклянные вкладки к последним. В одной комнате были обнаружены фрагменты четырех луков, из них — две половины лука и один почти целый; в другой — значительный кусок конца лука и днище колчана.

Такое скопление специфических находок исключает случайность. В комнатах верхнего этажа юго-восточного угла дворца, несомненно, помещался склад оружия и военных доспехов, производство которых было сосредоточено в нижнем этаже. Луки представляют совершенно уникальный комплекс. Они большие, около 160 см длиной, сложные, склеенные из многих слоев дерева (дзелькwa, из семейства ильмовых¹), с костяными обкладками в средней части и по краям.

¹ По определению сотрудников Института леса.

Древко лука сужается к середине и к концам, где оно сжато обкладками. Между последними древко расширяется, образуя плоскую лопасть до 6 см ширины.

Нельзя не вспомнить, что, по данным раннесредневековых армянских и арабских географических источников, Хорезм славился на всем Востоке производством великолепных луков. Об этом сообщает Моисей Хоренский. Макдиси говорит

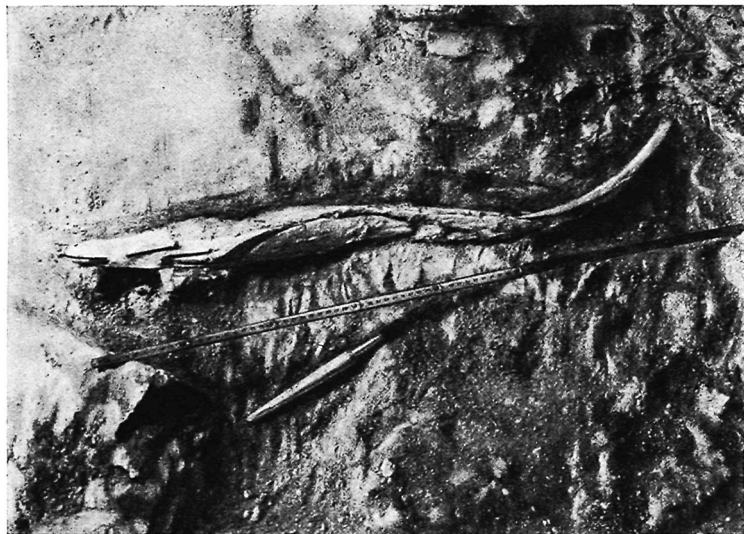

Рис. 22. Луки на месте находки в одном из помещений «арсенала» дворца Топрак-кала

что в Хорезме производятся «луки, которые могут натянуть только самые сильные люди»¹. Находка в Топрак-кала показывает древность этого характерного для Хорезма производства, возводя его уже к III в. н. э.

В трех юго-восточных комнатах, кроме того, была сделана самая интересная находка этого сезона, о которой мы особо скажем ниже.

Парадные и жилые части центральной полосы здания дали прекрасный новый материал для истории хорезмийского искусства. Хотя оно уже богато представлено нашими собраниями 1946—1947 гг. и мы не рассчитывали на что-нибудь принципиально новое, результаты работ превзошли наши ожидания.

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 14.

Близ самого центра дворца было вскрыто два парадных зала, стены которых, покрытые, к сожалению, плохо сохранившейся росписью, были украшены великолепными скульптурными композициями.

В одном из залов, украшенном большим терракотовым очагом-камином и колонной на ступенчатой пирамидальной базе, были вскрыты нижние части горельефных композиций, изображавших сидящих на тронах царей в характерных

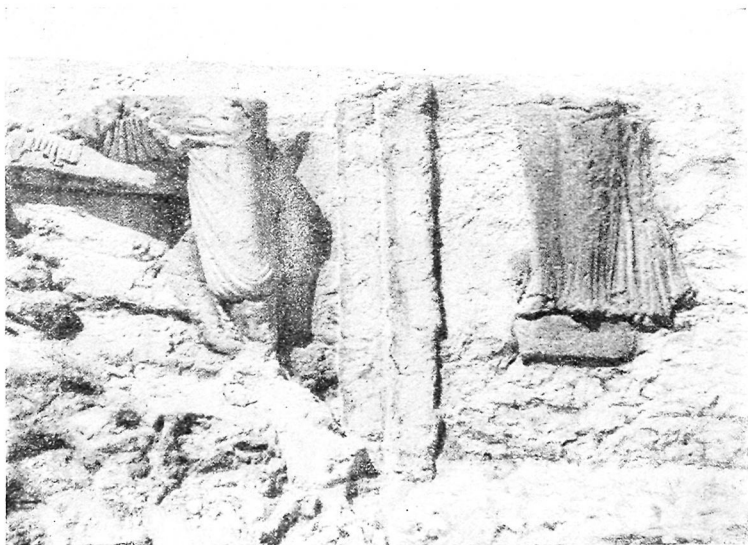

Рис. 23. Фрагмент горельефной группы: сидящий царь и богиня Ника в «зале побед» дворца Топрак-кала

хорезмийских костюмах—ниспадающих эффектными складками кафтанов, широких красных шароварах, доходящих до щиколоток, и узконосых башмаках, перехваченных на щиколотке завязками, застегнутыми дисковидными пряжками. По обе стороны каждого царя располагались по две женские стоящие фигуры, причем те, которые находились спереди царя, динамично изображенные, с широко развевающимися складками платья, как бы парящие в воздухе, бесспорно представляли богиню победы — Никку (см. рис. 23). Перед нами, несомненно, сцены венчания царей богинями победы — иконографический образ, хорошо известный по парфянской и хорезмийской нумизматической символике. Зал

явно был посвящен каким-то победам шахов Хорезма III в. — времени, к которому, как нам уже удалось доказать, относится подъем могущества Хорезма, парь которого упоминается в сасанидской надписи в Пайкули рядом с кушанским шахом и римским кесарем¹. Этот зал назван нами «залом побед».

Не менее эффектен соседний зал, еще не раскопанный до конца². По стенам его располагались стоящие в нишах то в профиль, то в фас крупные мужские статуи. Ниши были окаймлены широкими лентами рельефного орнамента, выкрашенными в красный цвет и закручивающимися на концах спиралями, — мотив,

Рис. 24. Голова одного из темнокожих воинов («зал воинов» Топрак-кала)

характерный для современного народного орнамента каракалпаков, казахов и киргиз и известный под названием «бараньих рогов». Это новый пример связей древнехорезмийского искусства с современным народным искусством Средней Азии. Между большими статуями в верхней части стены располагался скульптурный фриз из раскрашенных миниатюрных (примерно в половину человеческого роста) фигур воинов в чешуйчатых, судя по голубоватой окраске — железных доспехах, с большими продолговатыми щитами, сплетенными из вертикальных палочек, и, судя по положению рук, вооруженных копьями. На головах этих тяжело вооруженных пехотинцев были круглые, расширяющиеся кверху, низкие шапки, напоминающие головные уборы воинов ахеменидской Персии. Но самое интересное — черты лица этих воинов, несомненно изображающих гвардию хорезмийских парей, большие статуи которых стояли в нишах. Эти лица имеют темно-коричневую окраску, широкие носы, слегка прогнатное лицо, подчеркнутые и

¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 188.

² Первый опыт реконструкции этого зала см. ниже, в статье М. А. Орлова. Реконструкция «зала воинов» дворца Топрак-кала, стр. 47 и сл. Зал был окончен раскопками в 1949 г.

даже гротескно утрированные, вздутые губы. Перед нами, несомненно, образ людей негроидного типа, хотя и с несколько смягченными особенностями, напоминающих, пожалуй, ближе всего или эфиопов восточной Африки, или дравидов южной Индии (см. рис. 24).

Эти изображения не имеют ничего общего с характерными, резко выраженными европеоидными чертами скульптурных и живописных портретов хорезмийцев¹.

Перед нами важный документ для исследования вопроса о структуре вооруженных сил, на которые опиралась власть хорезмийских царей III в. Видимо, их гвардия комплектовалась из далеких чужеземцев — либо обитателей южной Индии, связь с которой хорезмийцы, несомненно, поддерживали со времени кушанов, либо еще более далекой восточной Африки. Вероятнее, конечно, первое.

Едва ли можно предполагать, что в Хорезме в эту эпоху существовало наемничество как способ комплектования войск. Вероятнее видеть здесь купленных невольников, прототип будущих тюркских «гулямов» саманидского времени. В этой связи нельзя не вспомнить старого спора о составе войска Парфии I в. до н. э., комплектовавшегося, по данным Плутарха и Трога Помпея, из рабов (*δοῦλοι, servi*). Сомнения; высказанные академиком Манандяном², хотевшим видеть в воинах, соответственно своей «феодальной» концепции парфянской и древнеармянской истории, нечто вроде мелких вассалов, вряд ли основательны. Мы уже упоминали, что еще в VII—VIII вв. дружины среднеазиатской городской знати формировались из рабов. Эти согдийские «чакиры» славились своими высокими воинскими качествами³.

Топраккалинские изображения темнокожих гвардейцев подкрепляют это положение: явление, имевшее место в Хорезме III в. и в Согде VII—VIII вв. н. э., мы можем считать еще более вероятным для Парфии I в. до н. э. Именно те самые первобытно-демократические традиции, которые мы неоднократно отмечали как характерную особенность рабовладельческого общества Средней Азии и которые базируются на стойкости общинного уклада, столь ярко отраженного в общинных домах-кварталах той же Топрак-кала⁴, определяли необходимость для царей искать источников военной силы, отдельной от народа и противостоящей ему, за пределами своей страны и пополнять ее людьми, ничем не связанными с местными общинами и целиком зависящими от царя. Использование рабов в сходных (хотя отнюдь не тождественных) ситуациях — факт отнюдь не экстраординарный для античного мира и для позднеримских обществ; напомним хотя бы афин-

¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, рисунки 46, 51, 58, 59, 60а.

² См. Манандян. Заметки о феоде и феодальном войске в Парфии и Аршакидской Армении. Тифлис, 1932. Poleмику с нашей стороны см. «Древний Хорезм», стр. 272.

³ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 272.

⁴ Там же, стр. 119, 281; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 173—175.

Рис. 25. «Червонный валет» — роспись на фрагменте пилястра

ский полицейский корпус из рабов-скифов или рабов, охраняющих царский склад оружия у свеонов в рассказе Тацита. «Зал темнокожих воинов» Топрак-

Рис. 26. Каминная ниша в одном из помещений дворца, типичная для жилых комнат

кала вносит, таким образом, существенный штрих в социально-политическую историю Хорезма и, если учитывать «чакиров» Согда и парфянских воинов-рабов, — всей Средней Азии в целом¹.

¹ Раскопки в обоих залах и в смежных комнатах завершены в 1949 г. В «зале воинов» выяснена его планировка, полностью соответствующая, если не считать размеров, планировке

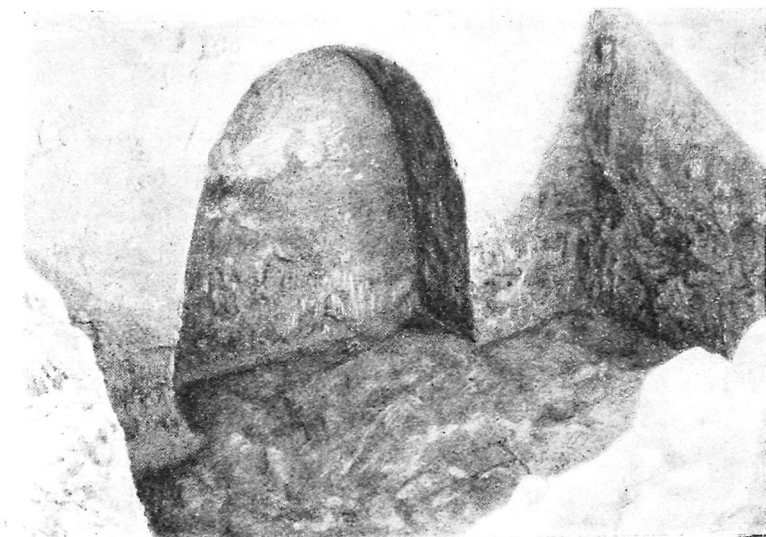

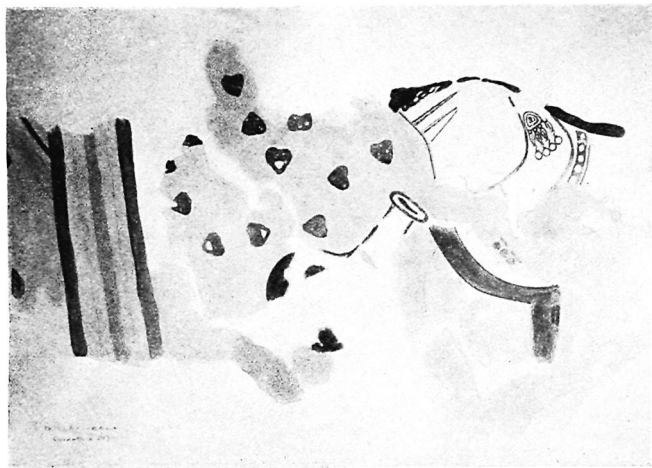
Рис. 27. Стена жилой комнаты с росписью и аркой

Жилые комнаты южной части дали также весьма ценные и принципиально новые материалы по истории хорезмийского искусства — на этот раз стенной живописи. До сих пор мы имели преимущественно фрагменты росписи, сохранившиеся в завалах на полу, и отдельные куски живописи, местами оставшиеся (как

жилых комнат дворца (см. ниже, стр. 40 и сл): в центре одной из длинных стен расположен камин, против него — арочная ниша с богатой росписью цветами по алému фону. Есть все основания полагать, что перед нами жилая комната («опочивальня») самого царя. На полу комнаты сделано много находок, в том числе целое ожерелье из стеклянных, раковинных (каури), сердоликовых, бирюзовых, янтарных, бронзовых и золотых бус, в центре которого находилась костяная подвеска в виде человеческой головы. Если учесть, что за всю предшествующую работу экспедиции было найдено значительно меньшее количество бус, станет ясно культурно-историческое значение этой находки, так как бусы, в значительной части импортные, дают возможность выяснить экономические связи Хорезма (см. С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 118—119). В комнатах, примыкающих к «залу воинов» с севера и с юга и являющихся его кулуарами, найдены прекрасные образцы росписи стен. Отметим верхнюю часть изображения царя: сохранившуюся корону в виде орла, — образ, ранее известный нам по монетам и скульптурам (там же, стр. 185—186), — сделанную с большим изяществом, и жезл — скипетр, увен-

а

б

Рис. 28, а и б. «Червоные дамы» — росписи в одной из жилых комнат дворца
Труды Хорезмской экспедиции, т. I

правило, в весьма неудовлетворительном состоянии) на стенах, но не дающие представления о композиции росписи всей комнаты в целом. Сейчас мы имеем несколько комнат высотой от 4 м и более, сохранивших, хотя, конечно, и с дефектами, всю композицию росписи.

Особенно ценный материал дали три жилые комнаты этой части дворца. В них мы имеем характерную планировку — с арочной нишей на одной стене и с своеобразным терракотовым очагом-каминном — на противоположной. В двух случаях этот камин оформлен рельефным обрамлением в виде двух прямоугольных пилястров с орнаментальной росписью и треугольной «аркой» перекрытия. Особенно эффектен один из таких очагов, скосы перекрытия которого образуют два перспективных уступа, украшенных прямоугольными выступами-городками¹.

Стены с каминами и арками обычно покрыты пышной многоцветной орнаментальной росписью, подчеркивающей архитектуру стены. Остальные же стены комнат (в одном случае, впрочем, и стена с каминном) расписаны декоративными женскими изображениями, заключенными в прямоугольные рамки, перекрытые треугольными фронтонами.

Женские изображения условны и несколько схематичны, но выполнены, как правило, с большим изществом. Изображение, как характерно для Хорезма, обведено четким контуром, цвет локален, целиком покрывая соответствующие площади, рельеф передан графическими приемами в виде резких условных штрихов, обычно красной краской. Особенно своеобразна передача рельефа скулы в виде условной красной черты с загибающимся под прямым углом вниз передним концом.

В одной из комнат, шутили названной нами «комнатой червонных дам», светлый фон изображений покрыт красными «сердечками» (см. рис. 28 а, б) — орнамент, популярный и в других росписях Топрак-кала и представленный в тамгах (родовых знаках) на кирпичах (см. рис. 29).

Росписи открыты и в других комнатах. Нельзя не отметить, например, двух своеобразных глиняных пилястров с миниатюрными изображениями юношей в черных, отороченных красным кафтанах, найденные в одном из коридоров этой части дворца, названного нами «галереей червонных валетов», — фон изображений также покрыт красными «сердечками» (см. рис. 25).

чанный пальметой. Еще более интересно найденное в другом кулуаре изображение юноши, выполненное в красных тонах. На головном уборе юноши — царская тамга сиявущидов, а в руках — поднос, на котором лежит груда белых цилиндров с обвязками на концах; по всей видимости, это свитки документов, а юноша — царский писец. В связи с находкой архива эта фреска особенно интересна.

В «зале побед» раскопки в южной его части показали, что горельефные группы располагались по всем четырем стенам. В частности, в юго-западном углу на южной стене обнаружена хорошо сохранившаяся фигура Ники. О раскопках 1949 г. см. С. П. Толстов, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1949 г. «Изв. АН СССР, серия истор. и филос.», 1950, № 6.

¹ Этот вид «камяна», правда, более простой формы отмечен в кушанском слое Беграма (Афганистан). См. R. Girshman, Begram, стр. 34, рис. 16; стр. 36, рис. 17.

В другой комнате обнаружено контурное изображение торса женщины с протянутыми вперед руками, выполненное в том несколько манерном стиле, который связан с влиянием гандхарской школы, иногда дающим себя чувствовать в хорезмском искусстве (см. рис. 30).

Главное место среди наших находок бесспорно занимает открытие архива древнехорезмийских документов на коже и дереве. Документы были открыты в трех комнатах в юго-восточном углу дворца. В одной из них, начатой раскопками еще в 1947 г., тогда же была найдена маленькая деревянная бирка с надписью тушью из четырех слов. В 1948 г. были обнаружены большие скопления документов, к сожалению в подавляющем большинстве фрагментированных и плохо сохранившихся¹. Только небольшая часть документов, в первую очередь деревянные, могла быть извлечена на месте. Остальное пришлось вынимать в глиняных монолитах, забитовывавшихся или загипсовывавшихся. Расчистка их проводится я нами сейчас, хотя и очень медленно, но с успехом. Расчищено и законсервировано уже около 20 документов, давших возможность приступить к первым опытам дешифровки.

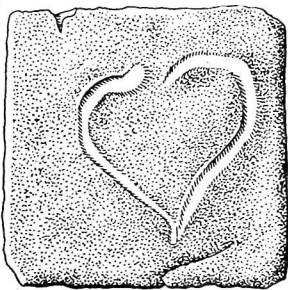

Рис. 29. Тамга в виде сердца (зарисовки с тамги на обычном кирпиче)

Документы явно попали в нижние помещения дворца из ныне не существующего верхнего этажа. Основная их масса была найдена в одной груде с осколками ангобированного красным кушанского сосуда, в котором они хранились в свитках. В другой комнате они лежали на склоне завала, впоследствии перекрытого новым

¹ Всего документов, извлеченных при раскопках 1948 г., 95. Из них 7 на дереве, 8 на коже, хотя и фрагментированных, но хорошей сохранности; остальные также на коже, но очень плохой сохранности, большей частью лишь в виде оттисков букв на лессовой глине. 10 из таких оттисков документов почти целые и относительно хорошо читаются.

В 1949 г. в одной из комнат, начатых раскопками в 1948 г., и смежном коридоре был найден еще 71 документ, из них 11 на дереве, в том числе две большие доски с прекрасно сохранившимся текстом в 22 строки в одном случае и 26 — в другом. Остальные — плохо сохранившиеся документы на коже.

Таким образом, общее количество найденных документов топраккалинского архива исчисляется цифрой 166, из них свыше 30 относительно хорошей сохранности.

Документы на коже хранились в свитках на специальных втулках или кусках древков стрел, завязывались ремешками и запечатывались глиняными печатями. Одна такая печать с оттиском замечательной по изяществу геммы с изображением женской фигуры была обнаружена реставратором О. А. Кирьяновой при препарировке материалов, извлеченных при раскопках 1949 г. (рис. 31).

Рис. 30. Фрагмент росписи «Женщина с протянутыми руками»

завалом. В третьей они были найдены среди рыхлого завала, довольно высоко над полом, рядом с кусками росписей, которых нет в этом этаже и которые могли попасть только сверху.

Рис. 31. Оттиск печати с геммой на сырой глине

Совершенно очевидно, что в верхнем этаже над юго-восточными комнатами помещался царский архив, остатки которого и попали в наши руки. Так как одна из комнат с документами раскопана не целиком и остаются еще смежные, совсем не вскрытые помещения, есть все основания полагать, что архив не вполне исчерпан¹.

Документы написаны тушью, четкими профессиональными почерками писцов, с отдельным начертанием букв, с почти полным отсутствием лигатур (связывается

¹ См. выше, стр. 42, прим. 1.

не больше чем по две буквы в ограниченном числе случаев, строго определенном правилами письма: например, буква Р всегда связывается с последующей).

Алфавит — тот же, что и алфавит хорезмийских монет и чаш, определенный нами еще в 1937—1938 гг.¹, но начертания, естественно, гораздо более определенные, чем на монетах. Это один из дериватов арамейского алфавита, близкий к исходному прототипу и занимающий промежуточное положение между «аршакидским пехлеви» авраменских пергаментов и древнесогдийским «старых писем».

Сейчас уже можно определенно сказать, что язык хорезмийских документов принадлежит к «восточноиранской» (я предпочитаю термин «североиранской») группе, т. е. он близко родственен согдийскому, современному осетинскому, и является прямым предком того хорезмийского языка, который известен нам для X—XI вв. по отдельным терминам из трудов ал-Бируни, прежде всего его «Летоисчислений», и для XIII в. — по юридическим справочникам, исследованным А. А. Фрейманом².

Основная масса документов имеет, несомненно, административно-хозяйственное содержание: это, видимо, описи или реестры каких-то поступлений, о чем свидетельствуют стоящие в начале строк арамейские идеограммы MN («от», «из») и в конце строк — группы цифровых знаков, тождественные цифрам на хорезмийских серебряных чашах. Некоторые документы на дощечках, по всей видимости, календарного содержания, что, благодаря данным Бируни о календарной терминологии раннесредневековых хорезмийцев, значительно облегчает процесс расшифровки.

Конечно, до полного чтения документов еще очень далеко; потребуется немало времени и усилий, чтобы довести эту работу до конца. Но ключ к чтению уже в наших руках, и успех сейчас зависит только от упорной работы³.

¹ С. П. Толстов. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит. ВДИ, 1938, № 4. См. также «Древний Хорезм», стр. 173 и сл.

² См. А. А. Фрейман. Хорезмийский язык. М.—Л., 1951.

³ Раскопка дворца Топрак-кала была продолжена нами в 1949 и 1950 гг., когда нами и был завершен первый цикл раскопок.

В 1949 г. были закончены раскопки «зала побед» и «зала воинов» и продолжены раскопки комплекса помещений в южной части дворца, где был открыт «зал с кругами» — центральный зал интимных покоев, раскопанных в 1948 г. По всем стенам этого зала расположены циркулярные перспективные ниши 1,2 м в диаметре, расписанные геометрическим орнаментом. Из этого помещения пять дверей вели во внутренние интимные покои и одна, западная дверь, открытая в 1950 г., — в длинный, идущий на запад коридор, к югу от которого располагались в двух этажах небольшие комплексы помещений, видимо служивших для размещения привилегированного слоя дворцовых слуг.

В 1950 г., наряду с продолжением раскопок помещений, примыкающих к нижнему коридору, была раскрыта западная часть дворца, где было вскрыто еще два парадных зала — «зал оленей» и «зал масок». В первом из них были открыты фризы с рельефными изображениями пятнистых оленей, близко напоминающими изображение на пазырыкском ковре; над фризом с оле-

IV

Работа Хорезмской экспедиции вступает сейчас на новый этап.

Очередной задачей, наряду с продолжением разведок с охватом центральной части Северного Устюрта¹, Мангышлака, нижнего Узоя² и районов Кызыл-кумов, расположенных между Хорезмом и Бухарой, является постановка капитальных раскопок не в одной Топрак-кала, где они, конечно, должны продолжаться, а в ряде пунктов, относящихся к разным эпохам, разведанных и затронутых рекогносцировочными раскопками и обещающих несомненный успех. Упомяну для раннего, раннеантичного периода городища Кюзели-гыр, Калалы-гыр³ и Кой-Крылган-кала⁴, для афригидского — комплекс Беркут-кала, только четыре

нами расположен фриз грифонов, к сожалению хуже сохранившихся. Стены второго зала украшены изображениями танцующих пар, от которых сохранились только ноги; однако найденная голова одного из танцоров, с длинной узкой бородой и козлиными ушами, и фрагмент другой головы, с черной кожей и чудовищно выпученными глазами, позволяют видеть в композиции стен зала какой-то дионисийский сюжет.

В одной из комнат, примыкающих к южному коридору (см. выше), обнаружена мужская алебастровая голова, примерно в полтора раза более натуральной величины. Учитывая условия нахождения этой головы, мы можем считать ее детально внешних украшений верхней части стен дворца. Вопреки нашему прежнему предположению, легшему в основу публикуемой в настоящей книге реконструкции (см. рис. на стр. 49), верхняя часть внешних стен имела богатые статуарные алебастровые украшения. Другое изменение в отмеченной реконструкции связано с завершением раскопок восточного двора, которые позволили реконструировать вход во дворец в виде перпендикулярного восточной стене пандуса, примыкающего к середине этой стены. От места примыкания пандуса к стене начиналась ведущая на север афилада узких зал, расписанных тонким растительным узором.

¹ О разведках экспедиции на Устюрте в 1950 г. см. выше, стр. 11, примеч. 1.

² О разведках нашей экспедиции на нижнем Узое в 1951 г. см. выше, стр. 10, примеч. 2.

³ Работы на Калалы-гyre и Кюзели-гyre были возобновлены в 1950 г. (об итогах раскопок в Калалы-гyre см. там же).

⁴ Работы на Кой-Крылган-кала были возобновлены в 1950 и в 1951 гг. В 1950 г., во время раскопок на Топрак-кала, нами был высажен в Кой-Крылган-кала «археологический десант», который вел здесь рекогносцировочные раскопки в течение двух суток. Работы были продолжены в 1951 г., когда сюда были переброшены почти в полном составе отряд, работавший до того на Узое под руководством С. П. Толстова и Н. Н. Вактурской. Работы обоих лет показали, что Кой-Крылган-кала представляет собой памятник гораздо более сложной структуры, чем можно было предполагать раньше. Пространство между центральной башней и внешней стеной оказалось заполненным несколькими рядами помещений, в одном из которых, раскопанном в 1950—1951 гг., были обнаружены большие хумы с росписью по поверхности спиральным орнаментом красного цвета, типичной для раннекангуйского периода. На одном из хумов была открыта надпись знаками арамейского типа, относящая к IV—III вв. до н. э., — самая старая хорезмийская надпись. В внешней галерее центральной башни, открывающейся наружу бойницами, были также открыты хумы, запечатанные глиняными пломбами с разнообразными печатями, из которых самой интересной является печать с изображением античного корабля. Весьма интересен установленный раскопками факт наличия нижнего этажа помещений центральной башни, над которым расположен сильно разрушенный верхний этаж. В нижний этаж ведет узкий проход, устроенный на внешней стене башни ниже бойниц. Этот целиком сохранившийся этаж здания, остав-

памятника которого (из сотни) были подвергнуты раскопкам в 1937—1939 гг., для раннего «домонгольского» средневековья — Белеули, Змухшир и Кават-кала с ее замечательным алебастровым дворцом, для послемонгольского времени — Шемаха-кала, рекогносцировочные раскопки которой были проведены в 1948 г. М. А. Орловым и Н. Н. Вактурской¹, для истории присырдарьинских племен в древности и в средние века — Чирик-рабат, Джеты-асар и «болотные городища» Казалинска.

Но для того чтобы работа развивалась успешно и дала необходимые результаты в должные сроки, непременным условием является дальнейшее развитие методики раскопок. Как авиация обеспечила нам резкое сокращение сроков и удешевление стоимости разведок, не говоря уже о тех новых научных возможностях, которые она нам открыла, так в области раскопок нам сейчас настоятельно необходима механизация рабочих процессов².

Великолепные памятники, окружающие со всех сторон Хорезмский оазис, — это грандиозный исторический заповедник, исследование которого открывает огромные научные перспективы. Изучение древнехорезмийских памятников должно стать задачей постоянно действующей научной организации, каковой фактически уже стала наша экспедиция.

Нашими успехами мы обязаны неизменному вниманию к нашей работе со стороны Академии Наук СССР, обеспечившей нам такие возможности для работы, о которых не смеет и мечтать ученый в любой другой стране.

Мы уверены, что и на новом этапе наших исследований это внимание обеспечит нам необходимые материально-организационные предпосылки для работы, а мы — коллектив экспедиции — в свою очередь отдадим все свои силы и знания, чтобы та глава истории народов СССР, над созданием которой мы трудимся, была написана на достойном нашей Родины научно-теоретическом уровне, чтобы мы целиком выполнили задание нашего великого учителя, лучшего друга советских ученых — великого Сталина, намного опередив все то, чего достигла и может достигнуть наука капиталистических стран.

Шийший пока не раскопанным, сулит ценные открытия по истории раннеантичного Хорезма, относящегося к периоду на 400—500 лет более древнему, чем Топрак-кала. Однако уже и сейчас эти находки исключительно интересны. Среди них должны быть упомянуты многочисленные фрагменты оссуариев и один целый оссуарий, представляющий собой квадратный ящик из обожженной глины, увенчанный женской фигурой в половину натуральной величины. Фрагменты аналогичных оссуариев найдены на городище Мангыр и, повидимому, в Джанбас-кала (см. «Древний Хорезм», табл. 76, рис. 8). Затем должны быть упомянуты фрагмент хума с изображением всадника, статуетка музыканта с своего рода домброй в руках и т. д.

¹ Отчет Н. Н. Вактурской о раскопках Шемаха-кала в 1948 г. см. ниже в настоящем сборнике, стр. 173 и сл.

² Внедрение механизации земляных работ было начато нами с 1950 г., когда при раскопках Топрак-кала были широко применены ленточные транспортеры, которые и позволили нам закончить раскопки дворца в течение одного сезона. В 1951 г. этот опыт был перенесен на раскопки в Джеты-асаре.

